

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Постникова Алёна Александровна

**РУССКАЯ КАМПАНИЯ НАПОЛЕОНА:
ИСТОРИЯ «ЕВРОПЕЙСКОГО МИФА»**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург - 2022

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Земцов Владимир Николаевич

Официальные оппоненты:

Орлов Александр Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки

Таньшина Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (г. Москва), профессор кафедры всеобщей истории

Уваров Павел Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ФГБУН Институт всеобщей истории РАН (г. Москва), заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени

Защита состоится 26 апреля 2022 г. в 12:00 часов на заседании диссертационного совета УрФУ 5.6.03.05 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов (комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?id=12&rid=3370>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

А.В. Шаманаев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблематика исторической памяти и исторической политики приобрела в последние годы актуальность на всех уровнях – личном, семейном, групповом, национальном, государственном и межгосударственном. При этом особую роль в плане формирования и поддержания национальной идентичности традиционно играл и играет дискурс войны. Так, для европейских наций, принявших участие в наполеоновских войнах, на протяжении многих лет память об этих событиях зримо служила (а, возможно, и продолжает служить) ключевым фактором процесса национальной консолидации.

Центральное место в этой героической, но и трагической эпопее занимает война 1812 года, или, как ее называют в Европе, русская кампания Наполеона. Претерпев моменты «забвения» и «вспоминания» в памяти европейцев, сегодня, в связи с недавно отгремевшими юбилеями событий Первой империи, эта война стала объектом особенно пристального внимания и предметом оживленных дискуссий. В сущности, юбилейные мероприятия только оживили в сознании европейских наций давно уже сконструированные мифы, став своеобразным индикатором живучести национальных традиций и показав одновременно всю сложность, а иногда и невозможность достижения научного и общественного компромисса.

Современные образы прошлого тесно связаны с теми представлениями, которые запечатлели участники событий на страницах дневников и воспоминаний. С течением времени произошла определенная дифференциация элементов когда-то единого образа, балансирующего между «розовой» и «черной» легендой о Наполеоне и его эпохе. В моменты, когда связь с прошлым ослабевала или настоящее не отвечало ожиданиям общества, возникала необходимость вернуться в то, что мы называем историей для обретения более устойчивой перспективы на будущее. В этой связи представляется, что выявление особенностей

трансформации образа русской кампании в восприятии участников тех событий и в ходе последующего формирования исторической памяти европейцев на протяжении двухсот лет является чрезвычайно важной задачей.

Используя уже принятые в науке понятия «историческая антропология», «историческая политика», «политика памяти», «историческая память», мы исходим из того, что образы прошлого эволюционировали в разных формах, проявляя себя в письмах, дневниках, мемуарах участников событий, в исторических исследованиях, в периодической печати, художественных произведениях, в музейных выставках и экспозициях.

Принципиально важным методологическим моментом является принятие того факта, что память о прошлом не следует рассматривать как абсолютно цельную. Скорее, можно говорить о поколенческих и национальных памятях, в рамках которых существовали и существуют параллельные, нередко противостоящие друг другу образы. На современном этапе развития методологии исторической памяти представляется необходимым использовать накопленный научный инструментарий применительно к конкретным историческим сюжетам, в частности, к образам национальных трагедий. Так, в центре внимания нашего исследования находится образ (образы) русской кампании Наполеона, ставшей поражением для европейцев, но все же сыгравшей одну из решающих ролей в формировании национальной идентичности многих наций.

Учитывая тот факт, что представление о прошлом, как правило, связано с теми эмоциями и чувствами, которые пережили сами участники, первую часть исследования мы посвятили анализу интерпретации событий кампании в личной переписке, дневниках и мемуарах солдат Великой армии. Во второй части работы проанализирована двухсотлетняя история формирования исторической памяти европейцев о походе 1812 г. Мы акцентировали внимание на сложившихся национальных традициях: французской, британской, немецкой, польской и швейцарской.

Что касается отечественной исторической памяти о войне 1812 г., то ее особенности уже достаточно полно нашли отражение во многих исследованиях, согласно которым российскую традицию отличает доминирование методов исторической политики и явный акцент на памяти-победе¹.

В более широкой перспективе изучение образа русской кампании позволит приблизиться к пониманию общих закономерностей трансформации траекторий памяти о войнах в целом в разных национальных традициях.

Объектом исследования является Отечественная война 1812 года (для европейской традиции – русская кампания Наполеона).

В качестве **предмета исследования** выступает процесс формирования образа войны 1812 года в европейских мемориальных практиках.

Территориальные рамки охватывают район боевых действий в период войны 1812 года. Во второй части исследования объект перемещается на страны Западной и Центральной Европы.

Хронологические рамки исследования находятся во временных границах военных действий (с июня по декабрь 1812 г.) и двухсотлетнего периода формирования исторической памяти европейцев о русской кампании Наполеона.

Цель работы: выявить особенности формирования образа русской кампании Наполеона в европейских мемориальных практиках.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи:**

1. Определить основные проблемы, существующие в историографии и методологии исследования данной темы.

¹ См., напр.: Болдина Е. Г. Из истории Бородинских торжеств 1839 г. (по документам Центрального исторического архива Москвы) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы IV и V Всероссийской научной конференции. Бородино, 1995–1996 гг. Бородино, 1997. С. 190–197; Малышкин С. А. Из истории музеефикации Бородинского поля 1839 – 1911 гг. Главный монумент // Бородинское поле. История, культура, экология. Вып. 2. Бородино, 2000. С. 168–174; и др.

2. Раскрыть особенности трансформации образа русской кампании в представлении чинов Великой армии в период войны 1812 года.

3. Выявить особенности интерпретации событий войны в европейской мемуаристике.

4. Прояснить основные закономерности формирования исторической памяти о войне 1812 года в европейских национальных традициях.

5. Сравнить процессы трансформации европейских мемориальных практик применительно к русской кампании Наполеона с целью выявления факторов формирования образов прошлого.

6. Обозначить особенности «периформативирования» индивидуальной памяти участников события в социальный и государственный нарратив в контексте национальных мемориальных традиций европейских народов.

7. Определить роль историописания в формировании национальных традиций памяти европейских народов о русской кампании Наполеона.

8. Выявить наиболее «идеальные модели»² коммеморативных практик русской кампании.

9. Определить актуальность современных методологических новаций применительно к образу войны в исторической памяти европейцев.

Степень разработанности темы. Проблематика настоящего исследования находится на стыке двух больших областей

² Мы приняли понятие «идеальная модель» памяти, предложенное А. Ассман. Для нее, как и для нас, критериями подобных моделей памяти является естественный процесс трансформации образа прошлого и отсутствие границы между историей и памятью.

исторического знания: военно-исторической антропологии и исторической памяти о войне 1812 года³. Отдельные аспекты, связанные с осмыслением событий русскими участниками и современниками, достаточно исследованы отечественными историками⁴. Обращались ученые и к анализу юбилейных мемориальных практик⁵.

³ Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М.: Яуза, 2018. 658 с.; Танышина Н. П. Наполеон Бонапарт: между историей и легендой. М.: Евразия, 2020. 220 с.; Чудинов А. В. 200-ие Египетского похода Наполеона Бонапарта: история неудачной коммеморации // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 9. Вып. 10 (74). 2018; Промыслов Н. В. Наполеоновская эпоха в фокусе антропологического подхода. Размышления над новыми книгами // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 11. Вып. 4 (90). 2020; Постникова А.А. Великая армия Наполеона на Березине: событие-память. М.: Гуманитарная академия, 2014. 210 с.; Форрест А. Russia, the Moscow Campaign and the Making of the Napoleonic Legend // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 11. Вып. 4 (90). 2020; Jourdan A. Mythes et légendes de Napoléon. Toulouse: Privat, 2004. 229 p.; Hazareesingh S. La légende de Napoléon. P.: Tallandier, 2005. 414 p.; Boudon J. O. Les habits neufs de Napoléon. P.: Bourin Editeur, 2009. 180 p.; Largeaud J. M. Napoléon et Waterloo: La défaite glorieuse de 1815 à nos jours. P.: La Boutique de l'Histoire, 2015. 462 p.; Hartley J. The patriotism of the Russian army in the “patriotic” or “fatherland” war of 1812 // Popular Resistance in the French Wars: Patriots, Partisans and Land Pirates. N.Y., 2005.

⁴ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980; Казаков Н. И. Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3. С. 31–47; № 4. С. 42–55; Шейн И. А. Война 1812 года в отечественной историографии. М.: научн. – полит. кн., 2013. 262 с.; Чудинов А. В. С кем воевал русский мужик в 1812 году?: образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник. 2012. М., 2012. С. 336–365; Ивченко Л. Л. Бородинское сражение: история русской версии событий. М.: Квадрига, 2009. 382 с.; Орлов А. А. «”Англии конец”! Британия и британцы как фигуры умолчания в романе Л.Н. Толстого ”Война и мир”». СПб.: Алетейя, 2019. 152 с.

⁵ См., напр.: Болдина Е. Г. Указ. соч.; Малышкин С. А. Указ. соч.; Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев / под ред. О. С. Поршневой, Н. Н. Баранова, В. Н. Земцова. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 535 с.

Важным вкладом в изучение проблем российской памяти стала коллективная монография «Отечественная война 1812 года в культурной памяти России». Авторы работы, сделав акцент на разных формах транслирования нарративов памяти, обратились к процессам вспоминания, сохранения и забвения образов прошлого⁶. Подобная исследовательская тенденция проявилась также в публикациях по итогам международной конференции «После грозы. 1812 год в исторической памяти Европы», прошедшей в Германском историческом институте в Москве 28–30 мая 2012 г.⁷ Авторы обратились к трансформации образа 1812 года в переломные моменты отечественной и зарубежной истории.

Процесс формирования исторической памяти о войне 1812 года нашел отражение и в публикациях В.Н. Земцова⁸. Историк удалось провести убедительный сравнительный анализ мемориальных практик в России и Франции применительно к войне 1812 г., в которых, по его мнению, отразились смысловые противоречия в восприятии этого события этими нациями. Проанализировав отечественную историческую память, он отметил, что она, в значительной степени, развивалась «под воздействием Власти, хотя и опиралась на то ощущение великой победы и чудесного спасения, которое испытали самые разные группы российского общества»⁹.

В целом, отечественная наука прошла значительный путь в изучении феномена памяти о войне 1812 г. в различные периоды российской истории. Ученые проанализировали истоки и последующую трансформацию памяти об этом эпохальном событии.

⁶ Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М.: Кучково поле, 2012. 448 с.

⁷ После грозы. 1812 год в исторической памяти России и Европы / под ред. Д. А. Сдвижкова. М.: Кучково поле, 2015. 384 с.

⁸ Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев. С. 188 – 223.

⁹ Там же. С. 189.

Среди зарубежных исследователей, обратившихся к образам наполеоновских войн в исторической памяти, особое внимание привлекает исследование историка Ж.М. Ларжо, который представил наиболее детальный анализ специфики французского восприятия образа Ватерлоо. Во введении к монографии, специально посвященной этой проблеме, он объяснил отличия французской памяти о Ватерлоо от британской памяти тем, что «для Франции это сражение стало трагическим концом мечтам о великой империи, в то время как британская память изначально нашла свое воплощение лишь в мемориальной культуре»¹⁰. По мнению автора, поражение заставляет нацию на протяжении многих лет искать причины совершенных ошибок и не позволяет забывать о них¹¹. Определив факторы трансформации этого образа в представлении французов на протяжении двух столетий, Ларжо пришел к выводу, что Ватерлоо, как «разрушающая победа», в кризисные периоды французской истории способствовала национальной консолидации. Подобные выводы представляют интерес в контексте нашего исследования, поскольку связаны с анализом особенностей трансформации памяти-трагедии, которой и стала для европейцев русская кампания.

В современной историографии наполеоновской эпохи активно развивается сфера военно-исторической антропологии¹². Как отметила французский историк Н. Петито, «весьма инте-

¹⁰ Largeaud J. M. Op. cit. P. 11.

¹¹ Ibid. P. 12.

¹² Forrest A. *Conscripts and Deserters: The Army and French Society During the Revolution and Empire*. New York: Gardners Books, 1989. 320 p.; Forrest A. *Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire*. L.: Hambledon and London Ltd, 2006. 268 p.; Petiteau N. *Napoléon, de la mythologie à l'histoire*, P.: Editions du Seuil, 1999. 432 p.; Petiteau N. *Écrire la mémoire. Les mémorialistes de la Révolution et de l'Empire*. P.: Les Indes Savantes, 2012. 312 p.

ресны те новации, которые произошли в историографии под влиянием исторической антропологии войны применительно к изучению этого первого конфликта мирового масштаба»¹³.

Применительно к исследованию войны 1812 года заметный вклад в развитие военно-исторической антропологии внес В.Н. Земцов на материалах пребывания Великой армии в Москве¹⁴. Он воссоздал убедительную картину межнационального взаимодействия, отражения произошедших событий в сознании участников, представил этот конфликт как столкновение разных культурных ориентиров.

Обратился к войне 1812 года как к конфликту «социокультурных смыслов» украинский историк В. Ададуров¹⁵. На основе внушительного объема опубликованных и неопубликованных материалов автор пришел к выводу, что «поход Наполеона в Россию не являлся столкновением различных цивилизаций, а лишь конфликтом двух вариантов единой европейской культуры – современной (парижской) и традиционной; более того, он знаменовался глубокими мировоззренческими расхождениями между представителями ученой и народной культур»¹⁶.

В последнее десятилетие в рамках имагологических исследований популярным стало изучение представлений европейских народов друг о друге в наполеоновскую эпоху¹⁷. Наиболее

¹³ Цит. по.: А. В. Гладышев Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. №59. С. 142.

¹⁴ Земцов В. Н. 1812 год. Пожар Москвы. М.: ООО «Книга», 2010. 138 с.; Его же. Наполеон в России. Социокультурная история войны и оккупации. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 431 с.

¹⁵ Ададуров В. Война цивилизаций: социокультурная история русского похода Наполеона. Киев: Laugus, 2017. 393 с.

¹⁶ Там же. С. 337.

¹⁷ Гладышев А. В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 405 с.; Peudon J. L. La campagne de 1814 récit et lieux de mémoire: Le jugement de Clausewitz. P.: BOD, 2014. 350 p.; Norris S. M. A war of images: Russian popular prints, wartime culture, and national identity, 1812—1945. DeKalb, Illinois: Northern Illinois University

основательно проблему формирования образа России в сознании французов в 1812 г. осветил российский историк Н.В. Промыслов¹⁸. Проанализировав французские сочинения, посвященные России и опубликованные перед русской кампанией, автор пришел к выводу, что эти труды оказали влияние, главным образом, только на сознание интеллектуальной и политической элиты французского общества¹⁹. Историк, обратившись к документам личного происхождения, акцентировал особое внимание на роли войны 1812 г. в преломлении представлений французов о России.

Военно-историческое направление в его более традиционном варианте как изучение хода военных действий в период русской кампании Наполеона представлено работами известных российских историков В.М. Безотосного, А.И. Попова, Л.Л. Ивченко, В.Н. Земцова и А.А. Орлова²⁰. Важное место в данном направлении занимают исследования, посвященные военнопленным Великой армии в России²¹.

Таким образом, интерес современной науки к предложенной проблеме очевиден. Ученые проанализировали истоки и,

Press, 2006. 320 p.; Goubina M. La perception réciproque des Français et des Russes d'après la littérature, la presse et les Archives 1812-1827. P.: PUPS, 2007. 192 p.

¹⁸ Промыслов Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 251 с.

¹⁹ Там же. С. 3.

²⁰ Безотосный В. М. Россия в наполеоновских войнах 1805 – 1815 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 664 с.; Попов А. И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара: НТЦ, 2002. 439 с.; Ивченко Л. Л. Кутузов. М.: Молодая гвардия, 2012. 494 с.; Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении; Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М.: Прогресс – Традиция, 2009. 367 с.

²¹ Бессонов В. Л. Содержание военнопленных Великой армии в 1813-1814 гг. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2000; Гладышев А. В. Тотфалушин В.П. Страдания француза в России. По страницам воспоминаний Р. Вьёй о пребывании в русском плену 1812-1814 гг. // Россия и Франция XVIII - XX века. Вып. 7. М., 2006; Миловидов Б. П., Попов А. И., Хомченко С. Н. Военнопленные армии Наполеона в России: 1806 – 1814. Мемуары. Исследования. СПб.: Крига, 2012. 608 с.

в значительной степени, последующую трансформацию российской памяти о войне 1812 года, акцентируя особое внимание на юбилейных коммеморативных практиках. Однако перспективы исследования, сориентированные на сферу военно-исторической антропологии и исторической памяти применительно к русской кампании Наполеона, все еще представляются чрезвычайно значительными.

Методология и методы диссертационного исследования предопределены результатами широких методологических дискуссий, имевших место в последние десятилетия. Они отразили постепенный перенос внимания исследователей с так называемых «социальных структур» на внутренние, ментальные процессы. Вследствие этого в поле зрения историков оказались индивидуальное и коллективное сознание, ментальность, а пространственные рамки сузились до уровня микропроцессов. Обратившись к сфере сознания, идей, ментальности, историки оказываются в мире духовных феноменов, явлений культуры, идеологии, изучение которых требует новых методологических подходов и инструментария.

Наиболее последовательные методологические подходы в рамках междисциплинарного взаимодействия применительно к ментальным структурам предложила французская школа «Анналов»²². Постмодернистская программа историков-анналистов в

²² Bloch M. *Apologie pour L'Histoire ou Métier d'Historien*. P.: Armand Colin, 1949. 115 p. (рус. пер. – Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 178 с.); Le Goff J. *L'Imaginaire medieval*. P.: Gallimard, 1985. 392 p. (рус. пер. – Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М.: Издательская группа «Прогресс». 2001. 448 с.); Le Goff J. *Saint Louis*. P.: Gallimard, 1996. 976 p. (рус. пер. – Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М.: Ладомир, 2002. 800 с.); Le Roy Ladurie E. *Montaillou, village occitan de 1294 à 1324*. P.: Gallimard, 1975. 642 p. (рус. пер. – Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 539 с.); Febvre L. *Combats pour l'histoire*. P.: Armand Colin, 1953. 456 p. (рус. пер. – Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 635 с.); и др.

конечном итоге заставила сосредоточить внимание на изменчивости представлений о прошлом, сделав объектом исследования ментальные стереотипы, исторические мифы, процессы их трансформации и формирования. Для рассмотрения механизмов создания образа русской кампании в разных национальных традициях мы использовали методологические подходы, зародившиеся, в основном, в рамках французского видения постмодернизма, такие как «историческая память», «историческая политика», «интеллектуальная история», «историческая антропология».

Проблема памяти, как в теоретическом аспекте, так и в конкретно-историческом, стала в последние десятилетия предметом активного обсуждения в различных гуманитарных науках. Как известно, дискуссии продолжают вызывать и сами понятия «коллективная память», «культурная память», «историческая память», «историческая политика», а также возможности и характер их использования. В своем восприятии этих терминов мы принимаем, прежде всего, подходы, предложенные одним из представителей «Новой исторической науки» П. Нора²³.

В 2010 г. П. Нора, осмысливая влияние своей концепции на французскую науку, пришел к выводу, что все образы исторической памяти, созданные историками, можно включить в «мгновения памяти»: «Мгновения памяти – кристаллизация прошлого в индивидуальном или коллективном творчестве»²⁴. В своем произведении «Переосмысление Франции, места памяти» Нора обратился и к теме архивов, сделав вывод об их особой значимости в формировании памяти: «Архивные документы – это точное воплощение памяти, а все остальные источники – лишь виртуальная память»²⁵.

²³ Nora P. *Les lieux de mémoire*. P.: Gallimard, 1984–1992. Т. 1 – 7.

²⁴ Nora P. *Rethinking France: les lieux de mémoire*. L.: Universite of Chichago, 2010. P. X. 239 p.

²⁵ *Ibid.* P. 36. На необходимость соединения «точной памяти» и «виртуальной памяти» особенно последовательно указывал французский историк-анналист Ж. Дюби (См. например: Nora P. «L'Autre bataille de Bouvines». P.: Gallimard, 2005. 250 p.)

Концепция П. Нора предоставляет возможность рассмотреть, как участники оценивали событие, интерпретируя пережитое, каким образом хранилась и передавалась информация последующими поколениями. В целом, говоря словами П. Нора, историк должен проследить механизм перехода «точной памяти», запечатленной в архивных документах, в «виртуальную память». Нам представляется, что данный методологический посыл может быть полезен при анализе истоков формирования памяти, уходящих во времена происходивших событий.

Возможность познания многоуровневого, глубинного смысла памяти позволяет концепция немецкого историка Я. Ассмана²⁶. Он ввел в научный оборот понятия «культурная память» (символическая память, которая сохраняет лишь наиболее значимое прошлое – мифическую историю) и «коммуникативная память» (живые образы). Идеи Ассмана и Нора в единстве позволяют рассмотреть соотношение «коммуникативной» и «культурной» памяти в рамках того или иного промежутка времени.

Ключевым понятием нашего исследования является термин «миф», который на протяжении многих лет рассматривается в гуманитарных науках как символическая интерпретация прошлого и социального бытия человека²⁷. В данном исследовании, вслед за историком А. Ассман, мы стремимся постигнуть процесс перехода «ментальных образов в мифы» как важнейший элемент функционирования исторической памяти²⁸.

Исторические мифы создаются и поддерживаются «коллективным воображаемым» (коллективной иллюзией) – «набо-

²⁶ Ассман Я. Культурная память. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

²⁷ Леви Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.; Лосев А.А. Диалектика мифа // Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 655 с.; Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 444 с. и т.д.

²⁸ Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 325 с. С. 38.

ром символов, обычаев или воспоминаний, которые имеют конкретное и общее значение для сообщества»²⁹. Рассматривая русскую кампанию в ключе европейской памяти, мы не смогли обойтись без понятия «историческая травма, трагедия», которое в последние годы приобрело популярность в гуманитарных исследованиях применительно к событиям Второй мировой войны как «нарратив, нуждающийся в социальном признании»³⁰. В контексте данного исследования «травма» используется для противопоставления образа «победы-триумфа» с целью более глубокого анализа механизмов «преодоления прошлого».

В современной науке нет единого подхода к определению терминов «историческая память», «историческая политика», «политика памяти». Наиболее часто под «исторической памятью» понимаются опорные пункты массового знания о прошлом, минимальный набор ключевых образов событий и личностей прошлого в устной, визуальной или текстуальной форме, которые присутствуют в активной памяти. При анализе особенностей формирования мемориальных процессов мы опираемся на подход Дж. Уинтера, который отводил определяющую роль в конструировании исторической памяти, прежде всего, социальным акторам³¹. При анализе процесса трансформации индивидуальной памяти в социальные мемориальные практики и при выявлении особенностей обращения с травматическим прошлым мы будем руководствоваться концепцией А. Ассман³².

В контексте данного исследования под термином политика памяти мы понимаем целенаправленный процесс конструирования образа прошлого со стороны мнемонических акторов³³.

²⁹ Касториадис К. Воображаемое установление общества. М.: Логос, 2003. 480 с.

³⁰ Rigney A. Transforming Memory and the European Project // *New Literary History*. 2012. Vol. 43; Chakrabarty D. *History and the Politics of Recognition*. New York, 2007. P. 77—87.

³¹ Winter J. *Remembering War*. L.: Yale University Press, 2006. 352 p.

³² Ассман. А. Длинная тень прошлого...

³³ Миллер А. Россия: власть и история // *Pro et Contra*. 2009. № 3-4. С. 7.

В качестве отдельного элемента политики памяти мы выделяем историческую политику как сознательное конструирование образа прошлого со стороны властных структур³⁴. К этой сфере в контексте данного исследования относятся юбилейные коммеморативные практики, образовательная политика и проправительственные СМИ.

Мы также не исключаем того факта, что историческая политика способна воздействовать на историческую память, создавая версии, которые в дальнейшем находят отражение в научном и общественном дискурсе. По мнению российского историка О.С. Поршневой, на современном этапе развития методологии исторической науки необходимо соединение «двух перспектив, показа того, как происходит “наделение смыслом” и символизация национального прошлого в процессе взаимодействия акторов памяти, реализующих мемориальные проекты и транслирующих мемориальные нарративы»³⁵. Солидаризируясь с данной позицией, мы в рамках предложенного исследования стремились определить взаимосвязь между государственными и социальными мемориальными практиками в процессе формирования нарративов памяти.

Методологические подходы к изучению политики памяти о трагедиях войны в современной науке развиваются в рамках понятия «культура поражения». Одним из ярких представителей данного направления является немецкий историк В. Шивельбуш, который использовал термин «культура поражения» для названия своей монографии, посвященной теоретическим аспектам исторической памяти о войнах. Он утверждает, что переживание нацией травмы поражения приводит к «стремлению

³⁴ Националистическая платформа или либеральные версии истории? Историографические развилки последних десятилетий в версии Алексея Миллера // URL: <http://gefter.ru/archive/author/miller>.

³⁵ Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев. С. 20.

помнить»³⁶. Однако автор отметил, что эта форма памяти не связана с «установлением справедливости», а с «изобретением новой альтернативной реальности», оправдывающей ожидания нации. Однако Шивельбуш выразил мысль о том, что этот процесс «изобретения мифа» становится основой переосмысления пути развития государства и оказывает более консолидирующее влияние на нацию, чем память о победах: «Поражение очищает нацию, в то время как победа ослепляет победителя, приводит в действие противостоящие силы и готовит его падение»³⁷.

В связи с тем, что основными материалами для второй части нашего исследования, посвященной формированию и трансформации памяти о русской кампании, являются произведения писателей, историков и художников, мы сочли приемлемым рассматривать их в рамках «интеллектуальной истории». Мы взяли за основу трактовку этой теории современными французскими историками. По их мнению, «интеллектуальная история» – это понятие, отражающее то, как «были выработаны конкретные идеологические системы»³⁸. Исходя из этих теоретических положений, мы полагаем возможным воссоздание того интеллектуального поля, в котором сохранялся и воспроизводился образ войны.

³⁶ Schivelbusch W. The Culture of Defeat: On National Trauma, Mourning, and Recovery. N. Y.: Metropolitan books, 2013. 403 p.

³⁷ Ibid. P. 52.

³⁸ Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Журнальный зал. 2004. № 66. С. 10 – 16; Шарль К. Интеллектуалы во Франции. М.: Новое издательство, 2005. 328 с. В последнее время «интеллектуальную историю», объединив с «исторической памятью», стали обозначать понятием «историческая культура» (Репина Л. П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей – 1996. М.: Наука, 1996. 356 с.; Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания. М.: Кругъ, 1993. 402 с.; Эжсле О. Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей – 2001. М., 2001. 508 с.).

Таким образом, объектом «исторической памяти» становится сотканная из различных исторических сведений картина прошлого, которую исследователь пытается увидеть глазами людей избранной эпохи. Переходя от одного источника к другому, мы наблюдаем как изменения, так и постоянство этой картины, стремимся уловить и сформулировать закономерности этих перемен.

Однако изучение «образов» вспоминаемого прошлого, отраженных в тех или иных источниках, было бы бессмысленным без представлений о событии его участников, которые (представления) стали основой для дальнейшего формирования социального нарратива. Тем самым, помимо исторической памяти мы обратились к последним достижениям военно-исторической антропологии.

В зарубежной и отечественной военной истории наблюдается отход от чистого описания операций, действий армий и обращение к внутреннему состоянию «человека воюющего». Истоки этого «психологического поворота» в описании военных действий наполеоновской эпохи многие видят в произведениях Стендаля (особенно, в его романе «Пармская обитель») и Л.Н. Толстого («Война и мир»). О необходимости ввести описание «внутренней стороны» боя в научное историческое исследование ратовал выдающийся военный социолог Н.Н. Головин³⁹. Эти опыты стали основой для ряда современных работ, посвященных военно-исторической проблематике⁴⁰.

³⁹ Головин Н. Н. Наука о войне. М.: Астрель, 2008. 1010 с.

⁴⁰ Человек и война: Сб. статей // Под. ред. И. В. Нарочницкого, О. Ю. Никоновой. М., 2001; Военно-историческая антропология // Под. ред. Е. С. Сенявской. М.: Росспен, 2002 – 2010.; Земцов В. Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург: Урал. гос. пед. уни-т, 2001. 565 с.; Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М.: Росспэн, 1999. 383 с.; Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. Екатеринбург: Российская политическая энциклопедия, 2004; Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012. 392 с.; Ратьковский И. С., Разиньков М. Е., Пахалюк К. А. Трагедия войны. Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX в. М.: Яуза, 2021. 656 с.

В работе с военно-оперативной документацией и личной перепиской, историческими, художественными произведениями, интерпретируя тексты для воссоздания образа войны, мы использовали семиотику и герменевтику, основываясь на трудах Ф. Соссюра, Ю.М. Лотмана, Г.Г. Гадамера, У. Эко и др.⁴¹

В исследовании активно использовались общеисторические методы. Нашел отражение историко-генетический метод, который позволил выявить закономерности формирования представлений о русской кампании среди европейских наций, принимавших участие в войне. На основе этого метода сделаны попытки выяснить, какие именно обстоятельства повлияли на формирование образов рассматриваемого нами исторического события, и как изменялась его интерпретация во временном пространстве. Историко-сравнительный метод был использован при анализе представлений о событиях в сознании разных наций. В результате мы получили возможность сравнить восприятие хода кампании глазами солдат, историков, писателей, художников, режиссеров, журналистов. Историко-типологический метод использован в ходе группировки источников по национальному принципу.

Источниковая база диссертационного исследования основана, главным образом, на документах иностранного происхождения. Классифицируя источники на письменные, изобразительные, фонетические, устные, вещественные⁴², центральное место мы отвели письменным источникам, в которых наиболее полно и последовательно отразились события русской кампании

⁴¹ Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2019. 351 с.; Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 525 с.; Гадамер Г. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 580 с.; Гринев С. В. Основы семиотики. М., 2000. 47 с.; Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 700 с.; Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 369 с.; Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. 650 с.

⁴² Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. С. 122.

и последующая трансформация образов этих событий в сознании европейских наций.

При анализе писем и дневников участников войны 1812 г. были использованы материалы из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА)⁴³, благодаря которым удалось познакомиться с письмами солдат Великой армии; Российского государственного исторического архива (РГИА)⁴⁴; Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ ОР)⁴⁵; Национального архива Франции (AN)⁴⁶; Архива исторической службы Министерства обороны Франции (SHD)⁴⁷; Национального архива Великобритании (NA)⁴⁸.

Благодаря официальной и личной документации, хранящейся в этих архивах, проанализирована трансформация представлений о событиях русской кампании чинов Великой армии в ходе боевых действий в 1812 г. Огромную ценность для разрешения поставленных задач имели письма солдат Наполеона, перехваченные русской армией. В 1913 г. коллектив французских и российских ученых опубликовал в Париже часть этих писем⁴⁹.

⁴³ РГАДА. Ф. 30. Оп. 1.

⁴⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1345. Оп. 98. Д. 942. Наибольшую ценность среди фондов этого архива для нас представляют документы, относящиеся к периоду оккупации французами Смоленска в 1812 г.

⁴⁵ РНБ ОР. Ф. 542. Д. 692.

⁴⁶ AN. AF IV. 1644, 1645, 1646. В фондах Национального архива Франции хранится журнал боевых действий 9-го линейного полка 4-го армейского корпуса Е. Богарне.

⁴⁷ SHD. 2 С 128, 290, 131, 132, 133, 134. Особую ценность для нас представляют личные фонды дневников и писем чинов Великой армии – SHD. 1 К 196, 1 К 11, GR 1. К 111, 1 М 673, а также французские документы, относящиеся к описанию губерний Российской империи – 1 М 1489, 1М. 2138.

⁴⁸ NA. FO 65/77/ 78/ 80/ 90, FO 95/ 229 /228. В фондах архива находится дипломатическая переписка британского правительства, отражающая настроения Лондона в отношении войны 1812 г., идущей в России.

⁴⁹ *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812* / Publ. par S.E.M. Goriainow. P.: La Sabretache, 1913. 440 p.

В нашем исследовании была использована публикация материалов из личных фондов Архива исторической службы Министерства обороны Франции, выполненная французскими историками М. Руко и Ф. Удесеком⁵⁰. Прежде всего, письма капитана А. Дюпана, отправленные отцу из России. В целом, материалы этой публикации отразили представления младшего офицерского состава Великой армии о характере и событиях кампании.

К публикации писем французских солдат обратился и историк Ж.О. Будон, представив ценный материал из центральных и региональных архивов Франции⁵¹. В нашем исследовании использовалась опубликованная личная переписка отдельных участников кампании⁵² и официальная переписка командования Великой армии⁵³.

Помимо обширного комплекса писем, нами были активно использованы и иные опубликованные источники личного происхождения – дневники и мемуары. Мы не исключаем того факта, что авторы дневниковых записей могли включить в них

⁵⁰ Roucaud M., Houdecek F. Du Niemen à la Bèrèzina. P.: SHD, 2012. 289 p.

⁵¹ Boudon J. O. Lettres de la campagne de Russie. P.: Pierre de Taillac, 2012. 352 p.

⁵² Puibusque L. V. Lettres sur la guerre de Russie en 1812. P.: Anselin et Pochard, 1816. 264 p.; Lettre d'un capitain Jean Breaut. P.: Poitiers, 1885. 70 p.; Peyrusse M. 1809-1815, mémorial et archives de M. le baron Peyrusse. P.: P. Labau et Lajoux, 1869. 544 p.; Stendhal. Correspondance. T. IV. P.: Le Divan, 1937. 414 p.; D'aupias. Mémoire historique de la campagne de 1812 (1813) // *Napoleonica. La Revue*, 2009. 82 p. Novembre; Lettres sur l'incendie de Moscou. P.: Plancher, 1823. 56 p.; Partonneaux L. Lettre du lieutenant-général Cte Partouneaux sur le compte rendu de l'affaire du 27 au 28 novembre 1812. P.: Impr. de Vve Agasse, 1817. 12 p.; Chuquet A. Lettres 1812. P.: Fontemoing, 1911. 350 p.

⁵³ Mémoires et correspondance politique du Prince Eugène. P.: P. Dupont, 1867. 428 p.; Correspondance de Napoléon. P.: H. Plon, J. Dumaine, 1868. T. 23. 369 p.; Napoléon Bonaparte. Correspondance générale / Publiée par Fondation Napoléon. P.: Fayard, 2012. T. 12; Fabry G. La campagne de Russie: documents relatifs à l'aile droit. P.: Librairie militaire R. Chapelot, 1912. 271 p.; Fabry G. La campagne de Russie: mémoires relatifs à l'aile droit. P.: Librairie militaire R. Chapelot, 1912. 109 p.; Fabry G. La campagne de Russie: documents relatifs à l'aile gauche. P.: Librairie militaire R. Chapelot, 1912. 255 p.

некоторые сюжеты и значительно позже⁵⁴. Однако факт публикации данного источника сам по себе может рассматриваться как элемент исторической памяти.

Новый этап интерпретации событий войны 1812 года оказался связан с написанием мемуаров ее участниками⁵⁵. При

⁵⁴ Bonnet G. *Journal du capitaine // Carnet de la Sabretache*. 1912. Sér. 2. 150 – 176 p.; François C. *Journal du capitaine François*. P.: Société d'éditions littéraire et artistiques, 1904. Т. 2. 280 p.; Fezensac M. *Journal de la campagne de Russie en 1812*. P.: L'Académie française, 1850. 560 p.; Castellane E. V. *Journal*. P.: Charles Carrington, 1895. Т. 1. P. 250–268; Fantin des Odoards L. F. *Journal. Étapes d'un officier de la Grande Armée*. P.: H. Le Soudier, 1895. 230 p.; Pion des Loches A. F. *Mes campagnes 1792-1815*. P.: Firmin-Didot, 1889. 520 p.; Gardier L. *Journal de la campagne de Russie en 1812*. P.: Librairie Historique F. Teissèdre, 1999. 108 p.; Ternaux-Compans H. *Le général Compans d'après ses notes de campagnes et sa correspondance de 1812 – 1813*. P.: Plon-Nourrit, 1912. 390 p.; Stendhal. *Journal*. (1811–1823). Т. V. P.: Le Divan, 1937. 369 p.; Tascher M. *Le journal de campagne d'un cousin de l'Impératrice (1806-1813)*. P.: Plon, 1869. 342 p.; *Journal de marche du grenadier Pils*. P.: P. Ollendorf, 1895. 419 p.; Cornereau A. *Relation de la campagne de Russie (1812-1813)*. P.: Librairie Historique F. Teissèdre, 2003. 37 p.; Попов А. И., Хомченко С. Н. *Дневник и письма голландского капитана К. А. Гайзвайт ван дер Неттена о плене в России // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Выпуск XIV. Сборник материалов*. М., 2016. С. 333-345.

⁵⁵ Labaume E. *Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812* P.: French edition, 1815. 380 p.; Vaudoncourt F. G. *Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812*. P.: Chez Barrois l'ainé, 1817. 359 p.; Segur F. *Histoire de Napoléon et de la Grande armée*. P.: Imprimerie de Fain, 1825. 424 p.; Dumas M. *Souvenirs*. P.: Société typographique belge, 1839. 316 p.; Berthezéne P. *Souvenirs militaires de la République et de l'Empire*. P.: Berger-Levrault, 1855. Т. 2. 280 p.; Pelleport P. *Souvenirs militaires et intimes*. P.: A. de Vresse, 1857. 320 p.; Marbot B. *Mémoires*. P.: Ancienne librairie Germer Baillière, 1892. 750 p. (русское издание: Мемуары генерала барона де Марбо. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 736 с.); Boulart F. *Mémoires militaires*. P.: Librairie illustrée. 1894. 52 p.; Maringoné L. S. *La campagne de Russie*. P.: Librairie illustrée. 1899. 428 p.; Griois L. *Mémoires*. P.: Plon-Nourrit. 1909. Т. 2. 220 p.; Pelet J. *Le combat de Krasnoe et la retraite de Ney // Carnet de la sabretache*. 1906. Sér 2. № 157. P. 210 – 250; Dumonceau F. *Mémoires*. Bruxelles: Bripols, Т. 2. 855 p.; Coignet J. R. *Les cahiers du capitaine Coignet*. P.: Hachette, 1888. 394 p.; Montigny L. G. *Souvenirs anecdotiques d'un officier de la Grande Armée*. P.: C. Gosselin, 1833. 395 p.;

анализе данного источника, по мере возможности, мы старались учитывать факты биографии автора и период написания воспоминаний. Наибольший объем мемуарной литературы вышел из-под пера французских солдат Великой армии, которые, как правило, воспроизводили схожие сюжеты войны. Первые мемуаристы преследовали цель оправдать или же наоборот – подвергнуть критике действия Наполеона в ходе военных операций, зачастую

Réguinot S. Le Sergent isolé. Histoire d'un soldat pendant la campagne de Russie en 1812. P.: Au bureau de l'état-major de la 6e légion de la garde nationale, 1831. 120 p.; Rigau D. Souvenirs des guerres de l'empire: réflexions, pensées, maximes, anecdotes, lettres diverses, testament philosophique. P.: A. Poilleux, 1846. 328 p.; Larrey D. J. Mémoires de chirurgie militaire. P.: J. Smith, 1817. T. 4. 534 p.; Raymond F. Souvenirs du Nord, ou La guerre, la Russie et les Russes ou l'esclavage. P.: Pélicier et Mongie, 1821. 321 p.; Lorencez G. Souvenirs militaires du général Lorencez. P.: Émile-Paul, 1902. 117 p.; Bertrand V. Mémoires du Capitaine Bertrand. P.: Augers, 1971. 182 p.; Curély J. N. Itinéraire d'un cavalier léger de la Grande-Armée. P.: E. Dubois, 1887. 233 p.; Noël J. N. Souvenirs Militaires d'un Officier Du Premier Empire // Carnet de la Sabrenach. 1895. № 3; Griois Ch. P. Mémoires du général Griois. P.: Plon-Nourrit, 1909. T. 2. 430 p.; Rapp. J. Mémoires du général Rapp, aide-de-camp de Napoléon. P.: Garnier Frères, 1823. 374 p.; Combe M. Mémoires du colonel Combe sur les campagnes de Russie, 1812, de Saxe, 1813, de France, 1814 et 1815. P.: Librairie militaire de Blot, 1853. 338 p.; Saint Chamans A. Mémoires du général Cte de Saint Chamans, ancien aide de camp du maréchal Soult, 1802-1832. P.: E. Plon, Nourrit et Cie, 1896. 576 p.; Thirion A. Souvenirs militaires. P.: Berger-Levrault et cie, 1892. 359 p.; Sérurier T. Mémoires militaires du baron Sérurier, colonel d'artillerie légère. P.: Anselin et Pochard, 1894. 359 p.; Baudus G. Études sur Napoléon. P.: Librairie-Éditeur, 1841. V. 1. 414 p.; Merme J. Des pyramides à Moscou: souvenirs d'un soldat de Napoléon Premier. P.: Moûtiers, 2011. 144 p.; Everts H. P. Campagne et captivité de Russie // Carnet de la Sabretache: revue militaire rétrospective. 1901. № 9; Bailly J. Souvenirs et anecdotes // Revue des Études historiques. 1904; Bro L. Mémoires du général Bro. P.: Hachette, 1914. 316 p.; Biot H. F. Souvenirs anecdotiques et militaires. P.: Henri Vivien, 1901. 554 p.; Cheron A. Memoires inedites sur la campagne de Russie. P.: Éditions Historiques Teissèdre, 2001. 80 p.; Girod de l'Ain J. M. Dix ans de mes souvenirs militaires de 1805 à 1815. P.: J. Dumaine, 1873. 412 p.; Lecoq G. Journal d'un grenadier de la Garde // La Revue de Paris. 1911. T. 5; Lejeune L. F. Mémoires du générale Lejeune. P.: Firmin-Didot, 1895. 385 p.; Lassus-Marcilly F. Notes sur ma campagne de Russie // Carnet de la Sabretache. 1914; Chapuis F. C. Bérézina: campagne de 1812 en Russie. P.: Corréard, 1857. 172 p.

не считая нужным подробно описывать сам ход военных действий. Французские участники, обратившиеся к написанию мемуаров во 2-ой половине XIX в., представили весьма сжатую схему событий кампании, акцентируя внимание на своем личном в них участии.

Научную ценность, близкую к ценности первоисточников, представляют для нас исследования участников войны 1812 года. В 1822 г. был опубликован труд полковника Ж. де Шамбре «История экспедиции в России»⁵⁶. Он в чине капитана гвардейской конной артиллерии принял участие в войне 1812 года. В дальнейшем, получив доступ к архивным документам кампании, он впервые представил достаточно полную на тот период картину военных действий.

После Шамбре практику научного осмысления событий войны продолжили А.Ж.Ф. Фэн и А.Г. Жомини. Секретарь-архивист Наполеона барон Фэн опубликовал в 1827 г. «Рукопись 1812 г.»⁵⁷ Воспользовавшись источниками, не введенными до него в научный оборот, он попытался объективно оценить действия Наполеона. В том же году вышла книга «Военная и политическая жизнь Наполеона» знаменитого военного теоретика А. Жомини⁵⁸. В русскую кампанию 1812 года он занимал должность губернатора Вильно, а потом – Смоленска. В целом, всех этих авторов объединило стремление представить по возможности объективный взгляд на события в России.

Особое восхищение Наполеоном и действиями Великой армии оказалось свойственно швейцарским мемуаристам. До нас дошли воспоминания полкового адъютанта Л. Бего, лейтенанта

⁵⁶ Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P.: Imprimeur libraire. 1838. Т. 3. 518 p.

⁵⁷ Fain J. F. Manuscrit de 1812. P: Libraire de son altesse royale madame la duchesse d'Orleans, 1827. Т. 2. 496 p.

⁵⁸ Jomini A. H. Vie politique et militaire de Napoléon. P.: Anselin et Pouchard, 1827. 712 p. (русское издание: Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб.: Типография Штаба Отдел. корпуса внутр. стражи, 1840. 516 с.)

Т. Леглера, служивших во 2-м швейцарском полку, и А. Муралта⁵⁹, обер-лейтенанта 5-го шеволежерского полка. В своих мемуарах эти авторы выступили как борцы за восстановление справедливости по отношению к памяти о швейцарцах, служивших Франции. Описание событий войны в мемуарах Бего и Леглера было пронизано восхищением героизмом, который был проявлен их соотечественниками. Однако пафосность задачи, стоявшей перед мемуаристами, заставила их уклониться от подробного описания сражений кампании.

Бывшие польские солдаты Наполеона также акцентировали внимание на том, как сражались именно их соотечественники в войне 1812 года⁶⁰. Совершенно иной образ кампании, войны как трагедии, был представлен немецкими и итальянскими мемуаристами⁶¹. Авторы этих воспоминаний сделали акцент на

⁵⁹ Muralt A., Legler T. *Beresina*. Bern: Verlag Hallwag, 1942. 231 p.

⁶⁰ Chlapowski D. *Lettre du général Chlapowski sur les événements militaires en Pologne*. P.: A. Martin, 1831. 400 Str.; Soltyk R. *Napolén en 1812*. P.: Arthus Bertrand, 1836. 464 p.; Ostrowski A. *Żywot Tomasza Ostrowskiego, ministra Rzeczypospolitej*. Paryz, 1840. T. 2. 245 Str.; Zaluski J. *Wspomnienia o pulku lekkokonnym polskim Gwardyi Napoleona*. Kraków: Nakładem drukarzu Czasu, 1865. 364 Str.; Krasieński J. I. *Pamiętniki*. Poznań: Spółka Wydawnicza Polska, 1871. 220 Str.; Chlapowski D. *Mémoires sur les guerres de Napoléon 1806 – 1813*. P.: Nakładem synów, 1889. 165 Str.; Kolaczkowski K. *Wspomnienia*. Kraków: Spółka Wydawnicza Polska, 1898. 285 Str.

⁶¹ Дневник поручика Фоссена // Русский архив. 1903. № 11. С. 467 – 479; Bomsdorff R. *Mittheilungen aus dem russischen Feldzuge*. Leipzig: W. Engelmann, 1816. 154 s.; Liebenstein L. A. *Der Krieg Napoleons gegen Russland in den Jahren 1812 und 1813*. Frankfurt, 1819. 340 p.; Roos H. U. L., von. *Ein Jahr aus meinem Leben*. St. Petersburg, 1832. 355 s. (русское издание: Роос Г. С Наполеоном в Россию. М.: Наследие, 2003. 208 с.); Clausewitz C. *Der Feldzug von 1812*. Berlin: Verlag von Wilhelm Scholz, 1834. 480 p.; Клаузевиц К. 1812 г. М.: Захаров, 2004. 258 с.; Burkersroda A. *Die Sachsen in Russland. Ein Beitrag zur Geschichte des russischen Feldzugs im Jahre 1812, besonders im Bezug auf das Schicksal der königl. sächsischen Truppen-Abtheilung bei der grossen französischen Armee*. Naumburg: M. Weber, 1846. 64 s.; Lossberg F. W., von. *Briefe in die Heimath geschrieben wahrend des Feldzuges 1812 in Russland*. Cassel, 1844. 132 s. (русское издание: Лоссберг Ф.В. Письма вестфальского штаб-офицера. М.: Наследие, 2003. 250

бессмысленности жертв, принесенных на алтарь тщеславным целям Наполеона.

Подводя итоги анализу зарубежной мемуаристики, можно сделать вывод, что французские, швейцарские и польские солдаты стремились, прежде всего, к созданию героической легенды об участии своих соотечественников в этом великом событии. В описании картин военных действий авторы неоднократно прибегали к воспроизведению информации, ранее уже отмеченной в мемуарах их предшественников. Таким образом, очевидно, что воспоминания, являясь продуктом своего времени, в большей степени дают не объективный (в традиционном смысле этого слова) анализ событий, но, прежде всего, отражают механизм формирования исторической памяти о нем.

Мемуары воздействовали на представления историков, писателей, которые сформировали образ русской кампании в общественном сознании. Каждый из авторов опирался на те источники, которые были ему доступны, и стремился своей работой удовлетворить как свое собственное любопытство, так и определенные запросы общества. Следовательно, на взгляды историков, писавших о событиях русской кампании, повлияли, прежде всего, воспоминания участников войны, а, во-вторых, современная им общественно-политическая обстановка. Именно эти факторы предопределили характер национальных нарративов о войне.

c.); Röder F. Der Kriegszug Napoleons gegen Rußland im Jahr 1812. Leipzig: Teubner, 1848. 560 s.; Wolzogen L. F. Memoiren. Leipzig: O. Wigand, 1851. 310 s.; Suckow K., von. Aus meinem Soldatenleben. Stuttgart: A. Krabbe, 1862. 365 s.; Schehl C. Selbstbiographie des jüngsten niederrheinischen Veteranen der Großen Armee von 1812. Krefeld, 1862; Martens C., von. Vor fünfzig Jahren. Tagebuch meines Feldzuges in Rußland 1812. Stuttgart: Verlag von Aug. Schaber, 1862. 200 s.; Venturini J. L. A. Carnets d'un Italien au service de la France // Nouvelle Revue Retrospective. P., 1904; Canfalonieri F. Memoire. Milano: U. Hoepli, 1890. 320 p.; Baggi F. Memorie. Bologna: Edite da C. Ricci, 1898. 268 p.; Colosso J. T. Mémoires d'un vieux soldat. Nice: Société Typographique, 1857. 307 p.; Ложье Ч. Б. Дневник офицера Великой армии. М.: Пресс, 1912. 282 с.

Исторические исследования рассматриваются нами не только в традиционном историографическом аспекте, но и как отражение процесса последующей трансформации первоначальных впечатлений участников и современников. С помощью выявления особенностей траектории формирования памяти, мы попытались определить тенденции развития национальных версий русской кампании.

Так, французские историки в поисках героической составляющей войны интерпретировали сражения кампании как «моральную» или военно-стратегическую победу Великой армии, подтверждая свои выводы документами исключительно французского происхождения. Вследствие столь узкой источниковой базы, описание военных действий во французских исследованиях оказалось представлено достаточно схематично⁶². Эта традиция историописания фактически без изменений перешла в исторические труды XX и XXI вв.⁶³

Аналогичная национальная ограниченность оказалась характерна и для других историографических нарративов. Швейцарская традиция историописания войны 1812 г. представлена немногочисленными трудами, главным достижением которых стало освещение роли швейцарских солдат в спасении Великой

⁶² Guillaume de Vaudoncourt F. *Relation impartiale du passage de la Berezina en 1812*. P.: Chez Barrois l'aîné, 1815. 48 p.; Thiers A. *Histoire du Consulat et de L'Empire*. Bruxelles: Paulin, libraire – éditeur, 1856. T. 14. 686 p.; Assolant A. *Campagne de Russie*. P.: Armand le Chevalier, 1866; Lanfrey P. *Histoire de Napoléon I*. 2-ème éd. P.: Plon frères, 1875. 626 p.; Thiry J. *La campagne de Russie*. P.: Berger-Levrault, 1969. 371 p.; Dufour B. P. *Mémoires de Napoléon*. P.: Chevalier de la Legion d'Honneur, 1830. T. 8. P. 330 p.; Mémoires pour servir a l'histoire de France. P.: Imprimerie de H. Fournier, 1830. 560 p.; Mortonval M. *Histoire de la Guerre de Russie en 1812*. P.: Ambroise Dupont, libraries, 1831. 466 p.

⁶³ Grünwald C. *La campagne de Russie*. P.: Julliard, 1963. 380 p.; Thiry J. *Op. cit.* P.: Berger-levrault, 1969. 374 p.; Dufraisse R. *Napoléon*. P.: PUF, 1987. 125 p.; Тюлар Ж. *Мюрат или пробуждение нации*. М.: Терра, 1993. 384 с.; Budon G. *Napoléon et l'Europe*. P.: Armand Colin, 2006. 343 p.; Fillion A. *La Bérézina racontée par ceux qui l'ont vécue*. P.: éd. France-Empire, 2005. 184 p.

армии на Березине⁶⁴. Благодаря усилиям этих историков, «Березина» стала символом бесспорной швейцарской победы, возведенной в ранг чего-то совершенно сакрального. В XX и XXI вв. историки этой страны уже не проявляли интереса к научному подтверждению устоявшегося образа войны.

Польская историография долгие годы находилась под воздействием французской литературы и без устали предавалась восхищению действиями Наполеона в России⁶⁵. Вписав русскую кампанию в летопись национальной истории Польши, историки создали эпопею самоотверженной борьбы польских солдат в составе Великой армии, ставшей примером их сопричастности к истории памятного европейского конфликта.

Попытки предложить объективный анализ действий Великой армии были предприняты в немецкой историографии XIX в.⁶⁶ Но эта традиция надолго оказалась утраченной в связи с событиями истории Германии XX в. Немецкий историографический нарратив русской кампании вновь возродился только в

⁶⁴ Shaller H. *Histoire des troupes suisses au service de France*. Lausanne: Imer & Payot., 1883. 336 p.; Maag A. *Die schicksale der Schweizer-Regimenter in Napoleons*. Biel: Ernst Kuhn, 1890. 413 S.; Vallotton G. *Les suisses à la Bérézina*. Lausanne: Helvétique, 1942. 290 p.

⁶⁵ Sokolnicki M. *Generał Michał Sokolnicki*. Warszawa: Viator, 1912. 218 Str.; Jezierski E. *Napoleon zdobywca świata*. Warszawa: Świata, 1913. 313 Str.; Handelsman M. *Francja – Polska 1807 – 1813*. Warszawa, 1914. 230 Str.; Chelminski J. V., Malibrán A. *L'Armée du Duché de Varsovie*. P.: SKU, 1913. 358 p.; Kukiel M. *Wojna 1812 roku*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1937. T. 2. 420 Str.; Askenazy S. *Kiaże Józef Poniatowski*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1974. 305 Str.; Halecki O. *A history of Poland*. L.: Roy Publishers, 1978. 305 p.; Przewalski S. *General Maciej Rybiński*. Wrocław: Wrocław. Tow. Nauk., 1949. 271 Str.; Zych G. *Armia Księstwa Warszawskiego 1807-1812*. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1961. 380 Str.

⁶⁶ Osten-Sacken F. *Der Feldzug von 1812*. Berlin, 1901. 343 S.; Bliedtner C. *Die Grosse Armee*. Stuttgart: Süddeutsche Monatshefte, 1908. 350 S.; Lindenau V. A. *Der Berezina*. Berlin: Ernst Siegfried Mittler und Sohn, königliche Hofbuchhandlung, 1896. 185 S.

начале ХХI в. как сюжет участия немцев в войнах в составе общеевропейской армии ⁶⁷.

Британская историографическая традиция, изначально складывавшаяся под влиянием французской науки, оказалась основана на идее героизации действий Великой армии в войне 1812 года. Только в ранних английских трудах восхищение мужеством французского солдата сопровождалось критикой действий Наполеона ⁶⁸. С конца ХIХ в. английская версия русской кампании, дошедшая до современности, окончательно переняла черты французской традиции ⁶⁹.

Таким образом, все историографические традиции европейских участников войны 1812 г. (за исключением немецкой традиции), сформировавшиеся под воздействием поиска национальной идентичности, представили широкий спектр разнообразных, но, в сущности, одинаковых героических нарративов о событиях войны.

Не меньшее, а нередко и более значительное воздействие на формирование исторической памяти по сравнению с традиционной историографией оказали произведения искусства, печать,

⁶⁷ Baumgart A. *Rußlandknigge*. Oldenbourg, 2005. 275 S.; Ruge G. *Russland*. Berlin, 2008. 250 S.; Töppel R. *Die Sachsen und Napoleon*. Berlin, 2009. 340 S.

⁶⁸ MacQueen J. *The campaigns of 1812, 1813, 1814*. Glasgow: Printed by Edward Khull for W. Sommerville, A. Fullarton, J. Blackie, 1814. 230 p.; Cathcart G. *Commentaries on the War in Russia and Germany in 1812 and 1813*. L.: J. Murray, 1850. 381 p.

⁶⁹ O'Connor T. P. *Napoleon*. L.: H. S. Nichols, 1896. 250 p.; Hutchinson H. D. *The story of 1812*. L.: William Durell, 1897. 450 p.; Rosebery A. Ph. *Napoleon: the last phase*. L.: Kessinger Publishing, 1900. 288 p.; Delderfield R. F. *The retreat from Moscow*. L.: Hodder & Stoughton, 1967. 256 p.; Palmer A. *Napoleon in Russia*. L.: Carroll & Graf, 1967. 320 p.; Chandler D. G. *The campaigns of Napoleon*. L.: Scribner, 1995. 506 p.; Britt A. S. *The wars of Napoleon*. L.: Square One Publishers, 2003. 208 p.; Zamoyski A. *1812: Napoleon's fatal march on Moscow*. L.: Harper Perennial, 2004. 644 p.; Connelly O. *Blundering to glory Napoleon's military campaigns*. L., 2006. 250 p.; Lieven D. *Russia against Napoleon*. L.: Allen Lane, 2010. 600 p.; Greentree D. *Napoleon's swiss troops*. L., 2012. 400 p.

беллетристика и кино. Ценным видом изобразительного источника, формирующим массовые представления, стала сатирическая карикатура на Великую армию. Этот вид источника получил распространение в ходе и сразу после войны 1812 года во Франции и Великобритании. Карикатура в руках противников Наполеона стала серьезным оружием борьбы с ним и, одновременно, мощным фактором формирования исторической памяти⁷⁰.

Излюбленной темой для художников было отступление Великой армии, которые увидели в нем великую человеческую трагедию. Наиболее яркими примерами могут служить картины «Россия» французского художника-романтика Т. Жерико и «Переправа через Березину» художника Ж.Ш. Ланглуа. Писателей, так же, как и художников, привлекала трагедия войны, которая, как правило, воспринималась через призму проявленного человеком мужества⁷¹. О. де Бальзак, В. Гюго, В. Скотт, П. Рамбо и др.

⁷⁰ The murmur of the French Grand Armee in their Retreat through Russia [estampe] // URL: gallica.bnf.fr/images&q=Berezina; Bataille de la Bérésina [estampe] // URL: <http://gallica.bnf.fr/images&q=Berezina>.

⁷¹ Balzac O. Berezina. P.: Libraire Germer Baillière, 1830. 40 p.; La bataille de la Moskowa ou L'orpheline de la Bérézina. P., 1840; Hugo V. Anniversaire de la Révolution de 1848. P.: J. Hetzel, A. Quantin, 1855. 12 p.; Ponsou du Terrail A. Le Trompette de la Bérézina. P., 1946. 150 p.; Boulabert J. La femme bandit. P., 1875. 30 p.; Massé P. Au drapeau // Carnet de la sabretache. 1937. P. 126 – 130; Rambaud P. Il neigeait. P.: Grasset., 2000. 300 p.; Le Tellier H. Je m'attache très facilement. P., 2007. 130 p.; Damamme J. C. Les aigles en hiver Russie 1812. P.: Plon, 2009. 817 p.; Michon P.: "Le plus beau détail est dans Stendhal" // L'histoire. Mars 2012. №343. P. 24 – 30; Emile L., Reynold G. La gloire qui chante: chants de soldats suisses à travers les ages: poème dramatique. Lausanne, 1918. 120 p.; Scott W. The life of Napoleon Buonaparte. L.: Cadell & Co., 1834. T. 2. 623 p.; Henty G. A. Through Russian Snows. A Story of Napoleon's Retreat from Moscow. L.: Book Society & Bazaar, 1896. 172 p.; Lee A. The Emperor's Trumpeter. L.: Oliphant & Co, 1907. 205 p.; Pollard E. F. For the Emperor. L.: J. Nisbet & Co, 1909. 235 p.; Stowell S. H. Barlasch of the Guard. L.: Constable & Co, 1903. 360 p.; Teegan T. H. With the Grand Army to Moscow. An historical Novel. L.: Cassell & Co, 1900. 345 p.; Whishaw F. J. Moscow. A Story of the French Invasion 1812. L.: Blackie & Son, 1905. 420 p.; Doyle A. C. Adventures of Gerard. Tales of the Napoleonic Soldier. L.: G. Newnes, 1904. 195 p.; Pemberton M. The great white Army. L.: S. W.

обращались к этому событию как к символу ушедшей эпохи рыцарства, когда военная честь и верность императору были выше самой жизни.

Особую ценность в плане анализа формирования исторической памяти имеет для нас сфера массовой информации. Печать и кино в особенности формировали и формируют коллективные представления об исторических событиях 1812 года. Характерной чертой периодической печати является доступность и разнообразие информации. В то время как исторические и художественные журналы публиковали на протяжении двухсот лет, главным образом, научные статьи, рассказы и отрывки из мемуаров, газеты использовали и используют упоминание о русской кампании, в основном, в метафорическом смысле как кризис и катастрофу. В любом случае, все эти публикации отражают разные стороны того, что мы называем политикой памяти⁷².

Partridge, 1915. 220 p.; Townsend B. C. The Sword Hand of Napoleon. A Romance of Russia and the Great Retreat. N.Y.: J. Nisbet & Co, 1915. 360 p.; Brooks E. S. A Boy of the first Empire. N.Y.: Blackie & Son, 1913. 265 p.

⁷² Journal de L'Empire. 1813. Janvier; Journal des artistes. 1828. №13; France militaire: histoire des armées francaises. P., 1838; Le Temps. 1887. Octobre; Notes et documents des Archives du général baron A.J. Ameil // Carnet de la sabretache. 1907. Ser 2. № 169; Le Temps. 1912. Avril; Rey M. P. Pourquoi les russes ont gagné // L'histoire. Mars 2012. №343; Les leçons de Bérézina // URL: <http://french.ruvr.ru>; Napoléon, future mascotte d'un parc d'attraction ? // URL: www.lemonde.fr; L'école ? La "bérézina" de Sarkozy selon Christine Boutin // URL: <http://you.leparisien.fr>; Bloc-notes: questions sur le scénario arrêté d'un imprévisible scrutiny // URL: <http://blog.lefigaro.fr/rioufol/2012/04/bloc-notes-questions->; Die Neutralitaet der Schweiz // URL: http://www.cosmopolis.ch/cosmo34/schweiz_uno.htm; Путешествия. Швейцария // URL: <http://www.tury.ru/otzyv/id/144507>; Beresina. Die Schweizer in Napoleons Russlandfeldzug 1812 // URL: http://www.historischesmuseum.lu.ch/index/sonderausstellung/aktuelle_sonderausstellung.htm; «Березина» в Люцерне // URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/13182>; Napoleon a sprawa polska // URL: <http://www.polskiedzieje.pl>; Wielkie słowa w polskim Sejmie // URL: www.rp.pl; Grzegorz Łyś. Rzeka bez powrotu // URL: www.rp.pl; Małkowska M. Berezyna oficjalnie i prywatnie // URL: www.rp.pl;

Важным источником формирования коллективных представлений являются кинодокументы, которые как источник стали привлекать внимание историков совсем недавно⁷³. Анализируя этот вид источника, исследователи, как правило, наряду с субъективностью кино, выделяют его характерную особенность как носителя господствующей идеологии и как одно из средств воздействия на массовое сознание общества. Несомненно, что кинодокументы сегодня являются важнейшим отражением исторической памяти общества.

Политике, войнам и жизни французского императора Наполеона посвящено огромное количество художественных и документальных фильмов. Образ Наполеона, запечатленный в кино, на протяжении XX в. менялся от деспота до великого демократа. Эта трансформация оказывала воздействие и на трактовку русской кампании, образ которой воплотил в себе как ощущение трагедии, так и победы.

Таким образом, представленный комплекс источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, достаточно полно отражает истоки и дальнейший процесс трансформации европейских мемориальных практик о русской кампании 1812 года.

«Le Monde»: Traktat Lizboński zwycięstwem obowiązku nad demokracją // URL: www.gp.pl.

⁷³ Магидов В. М. Кинофотодокументы в контексте исторического знания. М.: Российс. гос. гуманит. ун-т, 2005; Мазур Л. Н. Художественное кино как текст // Историк, текст, эпоха: Материалы научно-практической конференции Уральского отделения Российского общества интеллектуальной истории. Екатеринбург, 2012; Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 45–57; «Наполеон: зима в России», Великобритания, 2001 г.; «Грубач Березины» режиссера Ж.П. Каррера, Франция, 1966 г.; Фильм «Березина» режиссера Д. Шмита, Швейцария, 1999 // URL: http://www.daniel-schmid.com/2_movies/beresina.php; Napoleon Bonaparte: road to Moskow // URL: <http://www.youtube.com/watch>.

Научная новизна исследования состоит в том, что автором проведен комплексный анализ процесса формирования исторической памяти европейцев о русской кампании Наполеона, выявлены особенности трансформации индивидуальной памяти в социальный и государственный нарратив европейских наций, предложены «идеальные модели» трансформации исторической памяти о русской кампании 1812 года, а также методологические рекомендации применительно к исследованию данной эпохи. В диссертации впервые отмечены отличия в интерпретации событий войны в письмах, дневниках участников и выявлены особенности дальнейшего формирования образов войны, созданных на страницах мемуаров солдат Великой армии.

Создано первое комплексное исследование по исторической памяти европейцев о войне 1812 года. Диссертация вводит в научный оборот большие комплексы неопубликованных и опубликованных исторических источников по рассматриваемой теме.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Основные положения диссертационного исследования могут быть применены при подготовке лекций и практических занятий по дисциплинам «Новая история стран Запада», «Историческая память и историческая политика», при разработке учебных пособий по данным курсам. Материалы работы могут быть использованы для изучения вопросов, связанных с исследованием событий прошлого в исторической памяти. Выводы, сделанные в результате исследования, могут оказаться востребованными государственными органами власти при совершенствовании механизмов исторической политики. Теоретическая значимость исследования связана с апробацией концепции исторической памяти применительно к войне 1812 года. Автор выделила «идеальные модели» трансформации образа события, предложила методологические рекомендации к исследованию «памяти-трагедии».

Положения, выносимые на защиту:

1. Образ русской кампании в представлении французских солдат трансформировался под воздействием событий войны, способствуя созданию «героического нарратива» о действиях Великой армии в России.

2. В период пребывания Великой армии в Москве и в условиях отступления у французских солдат сформировалась «коллективная иллюзия» об их моральной победе и о русской зиме как причине поражения Наполеона в России.

3. Если во время кампании все понесенные жертвы казались солдатам Великой армии оправданными, а «коллективная иллюзия» одержанных побед объединяла солдат перед лицом опасности, то годы спустя большинство участников событий представили на страницах мемуаров трагический образ русского похода.

4. Именно французские участники кампании и стали создателями противоречивой картины событий 1812 года, обозначив на будущее ту многовекторную траекторию развития памяти, которая на протяжении двух столетий балансирует между «коллективной героической иллюзией» и критикой Наполеона. Единственным сюжетом, объединяющим версии, созданные французскими участниками похода, стал образ отступления Великой армии как ее «моральной победы».

5. Противоречивость интерпретаций событий русской кампании способствовала актуализации памяти о ней в течение двух столетий при всех режимах во Франции, актуализируя необходимые образы исходя из запросов времени.

6. Важным этапом конденсации образов русской кампании как военно-стратегической и «моральной» победы французской нации стал XX в. В этот период усилия всех французских акторов памяти соединились с целью консолидации общества вокруг героического прошлого ради «преодоления травмы» Второй мировой войны.

7. Развитие исторической памяти о русской кампании во Франции предстает в виде своего рода естественного процесса

преодоления обществом «травматического прошлого» и является неким «идеальным образцом» формирования национальной идентичности.

8. Швейцарская версия, подобно французской, продемонстрировала естественный процесс конденсации памяти под воздействием таких факторов, как мемуарная традиция, политическая и научная изолированность страны, что в совокупности предопределило устойчивость «героического мифа».

9. Исследование показало, что противостояние разных акторов памяти на протяжении двух столетий применительно к образу войны оказалось характерным только для французского нарратива, что было вызвано неоднозначностью результатов кампании для Великой армии, предопределив тем самым формирование многовекторной памяти. Иные национальные традиции развивались в границах единого нарратива. Так, немцы и итальянцы, со временем утратив эмоциональную связь с историей событий 1812 года, стали представлять эту войну исключительно как трагедию. В свою очередь, у поляков и швейцарцев, для которых образ Наполеона на протяжении двух столетий являлся важным элементом процесса формирования национальной идентичности, оказался сконструированным единый героический нарратив.

10. Установлено, что факторы воздействия инструментов исторической политики в определенные временные периоды оказались наиболее ярко выраженными в немецком, итальянском и британском нарративах.

11. Представления участников кампании формировали основу для появления последующих интерпретаций событий. Очевидно, что героический нарратив в течение почти двух столетий оказался характерен для польской, швейцарской и французской версий, поскольку солдаты именно этих наций в рамках эпистолярного наследия изначально зафиксировали победу Великой армии в сражениях войны 1812 года. Однако героическая тради-

ция этих наций конструировалась, в основном, вокруг образа отступления, в отличие от символа русской памяти – Бородинского сражения как победы.

12. Первоначальные представления немецких и итальянских участников войны были связаны с воспоминаниями о трагедии и бессмысленности самого открытия русской кампании. Поэтому в итоге именно эти образы стали основой их национальных нарративов памяти.

13. Истоки британской версии 1812 года изначально оказались связаны со стремлением умалить военно-стратегические успехи как французов, так и русских. После «переформатирования» образа Наполеона из неприятеля в героя британцы признали факт военно-стратегических успехов Великой армии в войне 1812 года, а представления о России и о причинах поражения французов остались в «ловушке» изначальных стереотипов.

14. Исследование показало, что сохранение эмоциональной составляющей, регулярное воспроизведение национальной традиции способствует формированию коммуникативной, «ритуальной» памяти о прошлом. Подобные коммеморативные практики продемонстрировали французская, швейцарская и польская версии событий. В свою очередь, немецкая, итальянская и британская траектории памяти, утратив связь с национальной традицией, «переформатировались» в историографические версии прошлого.

15. Очевидно, что устойчивость национальных моделей прошлого определяется естественным процессом трансформации в пространстве исторической памяти и регулярным воспроизведением мемориальных практик. Как правило, эти тенденции связаны с образом героического прошлого или трагедии, которая на протяжении многих лет становилась объектом дискуссий и процесса «преодоления прошлого».

16. Образы прошлого в разных национальных традициях подчинялись своим собственным, особым механизмам трансформации, что, по нашему убеждению, исключает возможность

использования какого-либо универсального методологического инструментария.

17. Исследование подтвердило существование тех черт «идеальной модели» трансформации памяти, которые выявила А. Ассман. Они сводятся к двум моментам – к естественному процессу формирования образа прошлого и к отсутствию четкого противостояния истории и памяти. В соответствии с этой концепцией мы выделили три идеальные варианта коммеморативных практик, которые соотносятся с французской, швейцарской и польской традициями.

18. Очевидно, что конкретный исторический материал (но не умозрительные, оторванные от исторической почвы умозаключения) и должен с неизбежностью определять методологические подходы исследователя в плане постижения прошлого и образов его отражения в коммеморативных практиках.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность результатов диссертации обеспечивается использованием разнообразных исторических источников, применением адекватных поставленным задачам методов и принципов научно-исследовательской работы. Автор использовала все выявленные на данный момент опубликованные и неопубликованные исторические источники по теме диссертации. Исследование находится на стыке разных методологических подходов, прежде всего, военно-исторической антропологии и исторической памяти, что обеспечило глубокий анализ коммеморативных процессов. Положения диссертации отражены в 38 публикациях, в том числе в 17 статьях из перечня ВАК (10 в журналах МБД), в 3 монографиях (2 – в соавторстве). Материалы диссертации прошли апробацию в рамках реализации учебных курсов «Историческая память и историческая политика» и «Новая история зарубежных стран» в УрГПУ в 2013–2021 гг. Материалы диссертации были подготовлены в рамках реализации грантов: РФФИ «Ино-

странная оккупация как опыт межкультурного контакта: на материале Наполеоновских войн» (2016–2018 гг.); РФ «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях» (2017–2020 гг.); РФФИ «Образ войны в коллективной памяти молодежи России и Европы: коммеморативные практики и механизмы формирования гражданской идентичности» (2019–2020 гг.); РФ «Человек на войне: антропология военной истории Наполеоновской эпохи» (с 2019 г.).

Основные положения исследования были представлены на международных, всероссийских и региональных конференциях:

1. Международная научно-практическая конференция «Колодеевские чтения» (Борисов, Беларусь, 27-28 ноября 2010 г.);

2. Международная научная конференции «1812 г.: люди и события великой эпохи» (г. Москва, Музей-панорама «Бородинская битва», 21 апреля 2011 г.);

3. Международная научная конференция «Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы» (г. Москва, РГГУ, 22-23 сентября 2011 г.);

4. Международная научная конференция «Война 1812 г. в контексте мировой истории» (Институт всеобщей истории, РГГУ, г. Москва, 8-13 июля 2012 г.);

5. Международная научная конференция «Россия и Наполеоновские войны», (Межотне, Латвия, 15–19 мая 2014 г.);

6. Международная научная конференция «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы.» (ФГБУК «Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник», 4-6 сентября 2017 г.);

7. Международная научная конференция «Антропологическое измерение наполеоновских войн: оккупация в истории и исторической памяти европейцев» (Екатеринбург, УрГПУ, 15-16 октября 2018 г.);

8. Международная научная конференция «Наполеон и Европа: XIX в.» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 20 мая 2019);

9. Международная научная конференция «Наполеон и Революция» (Екатеринбург, УрГПУ, 25 октября 2019).

10. Международная научная конференция «Историопи- сание в контексте политической культуры» (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 25 мая 2021).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, ее научная новизна, хронологические рамки, формулируются цель и задачи исследования, методологическая основа, анализируются историография проблемы и источниковая база исследования.

В первой главе исследования, состоящей из двух пара- графов, автор обратилась к современным методологическим и исто- риографическим достижениям в изучении памяти о войнах.

В первом параграфе рассматривается процесс формиро- вания многообразных концепций исторической памяти, факторы, влияющие на ее трансформацию, особенности методологических подходов к исследованию памяти о трагедии и триумфе.

Во втором параграфе сделан акцент на образе наполео- новской эпохи в современной французской историографии, кото- рая развивается в двух направлениях: исследование образа импе- ратора как инструмента формирования политической символики и изучение процесса конструирования памяти о трагедиях как ва- рианта национальной консолидации.

Во второй главе, состоящей из пяти параграфов, на ос- нове источников личного происхождения солдат Великой армии анализируются истоки французской памяти о русской кампании Наполеона.

В первом параграфе главы автор обратилась к представ- лениям французских солдат о событиях войны в начальный пе- риод русской кампании. Еще до начала открытия военных дей- ствий большую роль сыграла официальная пропаганда, которая способствовала созданию идейной стереотипности представле- ний французских солдат о неприятеле и кампании. Однако погру- жение солдат Великой армии в российскую действительность

стало менять их изначальные представления. Если в самом начале кампании солдаты верили в идею спасения поляков, стонущих под гнетом русского царя, то вскоре благодаря начавшимся контактам с населением «русской Польши» они быстро разочаровались в благородстве своей миссии. Теперь война, которая явно затягивалась благодаря «скифской» тактике русских, становилась для наполеоновских солдат символом борьбы с варварством.

Во втором параграфе автор проанализировала представления солдат в период пребывания Великой армии в Москве. Под воздействием неблагоприятной ситуации, сложившейся в этом городе, значительная часть солдат вынуждена была довериться официальной пропаганде, стирая из своей памяти проникнутые индивидуальностью образы событий, тем самым способствуя формированию «коллективного воображаемого».

В третьем параграфе автор проанализировала воздействие оккупации и межкультурных контактов на представления французских солдат о войне и неприятеле. Автор пришла к выводу, что, открывая военные действия против России, командование Великой армии исходило из возможности создания на захваченных территориях эффективной администрации из местных чиновников. Однако возникшие профранцузские муниципалитеты оказались не столь эффективны, как на то рассчитывал Наполеон и командование Великой армии. Столкнувшись с противоречиями внутри российского общества, французы быстро начали разочароваться в том, что оправдывало их вторжение – в своей «цивилизационной» миссии.

В четвертом параграфе автор обратилась к представлениям французских солдат в период отступления из России, ставшим значимым этапом в процессе формирования коллективной памяти французов о русской кампании 1812 года, поскольку именно ужасы тех дней, борьба за жизнь, переправа через Березину более потрясли сознание солдат, чем другие события этой войны. Эти впечатления во многом предали забвению воспоминаниям о войне.

нения о Бородино или пребывании Великой армии в Москве. Однако уже в период отступления сложилось «коллективное воображаемое» о победах Наполеона в России, оправдывающее трагедию всей русской кампании.

В пятом параграфе проанализирован процесс трансформации изначальных представлений солдат о войне в коммеморативные практики, отраженные на страницах мемуаров. Автор пришла к выводу, что, если в 1812 г. героические образы сражений поддерживали солдат на длительном пути их ожидания конца кампании, то спустя несколько лет, осмысливая результаты войны, ее участники стали предпочитать варианты оправдания ее краха – «моральную победу» солдат, вину Наполеона, либо «русской зимы» как основных причин печального итога. На страницах воспоминаний усиливается «культ жертвенности», но не культ императора. Это способствовало закреплению образа «героического отступления» как наиболее памятного сюжета войны.

В третьей главе, состоящей из четырех параграфов, на основе исторических трудов, произведений искусства, средств массовой информации анализируется процесс формирования исторической памяти французов на протяжении двух столетий. Автор выявила факторы, повлиявшие на переформатирование «памяти-трагедии» в «память-победу», а также механизмы трансформации индивидуальной памяти участников в государственный и социальный нарратив.

В первом параграфе автор обратилась к образу русской кампании в памяти Франции в первой половине XIX в. Интерпретация сражений этой кампании как «моральной» и военно-стратегической победы Великой армии сменяли друг друга на протяжении многих лет под воздействием изменений внутривосточной ситуации во Франции. В годы Реставрации историки предприняли попытку подвергнуть сомнению военный гений Наполеона, проявленный в Бородинском сражении. Однако эти моменты не нашли отражения в последующих произведениях, ав-

торы которых попали под очарование «наполеоновской легенды». В итоге, в эпоху Июльской монархии инициатива в формировании памяти о войне перешла к деятелям искусства, склонным к пафосу героизма и трагизма. В целом, коммеморативные практики применительно к событиям 1812 года в период Реставрации и Июльской монархии развивались в русле общественного дискурса, сила традиции которого оказывается, как правило, значительно сильнее, чем воздействие дискурса политического.

Во втором параграфе автор обратилась к образу русской кампании в памяти Франции во второй половине XIX в. В эпоху Второй империи наблюдалась попытка «переформатировать» образ войны 1812 года в плане абсолютизации победы Наполеона, а русским придать черты варварского противника. Однако официальным кругам не удалось вписать это событие в рамки исторической политики. Так, образ русской кампании становится орудием в руках оппозиционных режиму Наполеона III сил. В сознании общества поход в Россию воспринимается как результат роковой ошибки императора и, одновременно, как воплощение «моральной победы» французского солдата. В годы Третьей республики образ войны продолжал развиваться в общественном дискурсе, демонстрируя своего рода историческую закономерность, когда имперские амбиции неизбежно ведут нацию к трагедии. Действительно, в эти годы в образе русской кампании объединились элементы, сформировавшиеся в предыдущие эпохи, – восприятие поражения как расплаты за имперскую политику, тезис о «победе в опасности» и память о войне как уроке антимиитаризма.

В третьем параграфе проанализированы особенности трансформации образа русской кампании в исторической памяти французов в XX в. Под воздействием мировых войн трагические аспекты русской кампании были вытеснены из сознания французского общества, способствуя формированию исключительно героического нарратива. В XX в. общество уже не связывало образ Наполеона с имперскостью и военной агрессией. Что же касается

русской кампании, то теперь французы воспринимали ее исключительно как национальную победу, о которой не стоит забывать, но стоит помнить.

В четвертом параграфе автор обратилась к анализу образа русской кампании в современной Франции. Траектория формирования исторической памяти о русской кампании в начале XXI в. оказалась неразрывно связана с образом Наполеона. В интерпретации событий войны 1812 г. мы наблюдаем достаточно противоречивую картину. Искусство продолжает тяготеть к «героике поражений» в описании отступления Великой армии. В политическом пространстве также чаще всего используется образ «Березины» как катастрофы, обозначающий критику действий правителей. В то же время научное пространство Франции демонстрирует совершенно иную тенденцию, подвергая сомнению многие устоявшиеся «истины» о войне 1812 года. Этот процесс свидетельствует о том, что юбилейные мероприятия 2012–2015 гг. серьезно способствовали процессу «преодоления прошлого» и в очередной раз подтвердили значимость историка в жизни современной Франции.

В четвертой главе, состоящей из четырех параграфов, рассматриваются особенности формирования мемориальных процессов других основных участников русской кампании: немцев, швейцарцев, поляков и итальянцев. Автор обращается к особенностям трансформации образа события в представленных национальных нарративах, выявляя факторы, способствующие формированию разных траекторий развития европейской исторической памяти о войне.

В первом параграфе проанализирован образ русской кампании в памяти швейцарцев. Несмотря на то, что швейцарцы отстаивали честь чужой для них страны, война, по прошествии времени, стала частью их собственной истории, а образ Наполеона продолжал оставаться источником вдохновения. Формируя и отстаивая свою идентичность, швейцарские солдаты Наполеона

на страницах мемуаров воссоздали картину участия страны в событиях, особо акцентируя внимание на сражении на Березине. В силу того, что основной части швейцарских солдат удалось избежать трагического отступления из России, образ последнего сражения войны на страницах их мемуаров оказался обаян символами героизма и моральной стойкости. На формирование швейцарской памяти о русской кампании повлияло несколько факторов – мемуары участников, политическая и научная изолированность этой страны, предопределившая устойчивость «героического мифа».

Во втором параграфе автор обратилась к польскому образу русской кампании, формирование которого было тесно связано с борьбой за независимость поляков. Возлагая огромные надежды на Францию, поляки подчеркивали свою преданность Наполеону, непоколебимую даже в ситуации той безысходности, которая возникла в период отступления из России. Польское представление об этом событии, основанное преимущественно на французской литературе, формируется после очередного взлета борьбы за независимость в 30 – 40-е гг. XIX в. Результаты французского влияния на польскую память, связанные с победой Великой армии в войне, не удалось затушевать даже фактом польско-советского сотрудничества, подлинного или мнимого.

В третьем параграфе проанализирована немецкая память о русской кампании, которая связана исключительно с идеями бессмысленности войны и человеческих жертв, брошенных на алтарь тщеславия Наполеона. Изначально историографическая траектория немецкой памяти развивалась независимо от мемуаристики. Историки, основываясь на французских документах, проявляли стремление воссоздать объективную картину событий с точки зрения ученого-наблюдателя. Немецким исследователям первым удалось глубоко проанализировать военно-стратегическую сторону русской кампании. Как правило, немецкие историки, отмечая превосходство Великой армии, проявленное в сражениях войны, в то же время подвергали критике тщеславные

намерения Наполеона, развязавшего очередной конфликт. И только постепенно, под влиянием революции 1848 г., а затем франко-прусской войны немецкий образ постепенно стал утрачивать свои первоначальные элементы, оказавшись значимым сюжетом национальной истории единой Германии. Так, к концу XIX в. русская кампания становится в глазах немцев катастрофой, поражением Наполеона, но при этом остается примером героизма, проявленного немецкими солдатами. Разделение Германии на ФРГ и ГДР предало образ войны 1812 года фактическому забвению. Новое возрождение памяти о войне в объединенной Германии продемонстрировало утрату ею связи с прежними традициями, став элементом транснационального образа, отразившего сюжеты участия Великой армии в войне 1812 г. как примера общеевропейского единства.

В четвертом параграфе автор обратилась к памяти итальянцев о кампании, которая актуализировалась в разные исторические периоды лишь как пример сопричастности итальянцев к событиям европейской истории. Так, воспоминания итальянских солдат о русской кампании были связаны, прежде всего, с сюжетами, проникнутыми чувством трагедии и бессмысленности жертв. В свою очередь, историки и общественные деятели в период Рисорджименто попытались возродить эти сюжеты как символ краха идей объединения Италии в эпоху Наполеона. Однако события XX в. вытеснили из памяти итальянцев эти сюжеты прошлого.

В пятой главе, состоящей из двух параграфов, автор обратилась к формированию британской памяти о русской кампании Наполеона, анализируя версии событий, созданные в 1812 г., и их последующую трансформацию в течение двух столетий. Автор отметила факторы «переформатирования» британской памяти до героического нарратива о действиях Великой армии и показала ее дальнейшее перевоплощение в историографическую традицию на современном этапе.

В первом параграфе проанализированы представления англичан о русской кампании в 1812 г. Автор пришла к выводу,

что в начале войны британское правительство проявляло недоверие к Александру I, будучи не уверенным в серьезных намерениях России довести войну с Францией до победного конца. При этом британскому кабинету приходилось действовать осторожно в связи со скептическим отношением к России со стороны парламента. Все это предопределило относительно пассивную позицию Британии по отношению к тому, что происходило на российском театре военных действий. Депутаты упорно объясняли победу России результатом проявления «инстинктивного патриотизма» и варварства. Именно подобные представления о военных победах русской армии стали основой для формирования «британского» образа русской кампании. Так, основными факторами победы России в представлении британцев стали не военные успехи, а «мороз» и «русский мужик».

Во втором параграфе автор обратилась к процессу формирования исторической памяти англичан о войне 1812 г. Очевидно, что сцены побежденного «Русским Морозом» Наполеона соответствовали политическим и общественным настроениям британцев в начале XIX в. Однако в связи со смертью бывшего императора и дальнейшим процессом франко-британского внешнеполитического сближения образ Наполеона «переформатировался» в героя, а представления о России и о причинах поражения Великой армии остались в «ловушке» изначальных представлений.

В заключении проведен сравнительный анализ европейских мемориальных практик о русской кампании Наполеона, выявлены факторы, механизмы трансформации образа прошлого, особенности «переформатирования» индивидуальной памяти в социальный и государственный нарратив, предложены методологические рекомендации к исследованию «памяти-трагедии».

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК и Аттестационным советом УрФУ:

1. Постникова А.А. Прецеденты наполеоновской эпохи в коммуникативной памяти современной Франции: от «Аустерлица» до «бистро» // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 216–223 (0,6 п.л.).
2. Постникова А.А. Наполеон в Москве // Вопросы истории. 2014. № 8. С. 174–175 (0,2 п.л.).
3. Постникова А.А. Наполеоновская эпоха в «местах памяти» Парижа: репрезентация власти в архитектуре // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 201 – 206 (0,4 п.л.).
4. Постникова А.А. Наполеоновская эпоха в искусстве и мультимедийном пространстве Франции // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 221 – 227 (0,5 п.л.).
5. Постникова А.А. Образ Наполеона в политическом дискурсе современной Франции (на основе материалов СМИ) // Вестник Российской нации. 2015. № 3 (41). С. 110–122 (0,6 п.л.).
6. Постникова А.А. Европа под Наполеоном: взгляд Стендаля // Французский ежегодник. 2016. М., 2016. С. 295–311 (0,9 п.л.; WOS).
7. Постникова А.А. Русская кампания 1812 года в исторической памяти современной Франции // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 1 (148). С. 135–146 (0,5 п.л.; WOS).
8. Постникова А.А. Русская кампания 1812 года: взгляд из Лондона // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 169–182 (0,6 п.л.; Scopus, WOS).
9. Постникова А.А. Смоленск в 1812 году: оккупация и деятельность «французского» муниципалитета // Французский ежегодник. М., 2018. С. 165–181 (0,5 п.л.; WOS).

10. Постникова А.А. Проблема «ментальный карт»: о монографии Вадима Ададунова // Французский ежегодник. М., 2019. С. 476–481 (0,2 п.л.; WOS).

11. Постникова А.А. Письма наполеоновских солдат из России: размышления о публикации французских историков // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 87–94 (0,5 п.л.; WOS).

12. Земцов В.Н., Постникова А.А. Трафальгар и Ватерлоо: метаморфозы французской исторической памяти // Французский ежегодник. М., 2020. С. 209–235 (1,2 п.л. / 0,6 п.л.; WOS).

13. Постникова А.А. От Немана до Смоленска: начало русской кампании в представлении солдат Великой армии Наполеона // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 4 (90). С. 12–19 (0,5 п.л.; WOS, Scopus).

14. Постникова А.А. Мемориальная культура между памятью и забвением: многообразие интерпретаций или кризис постмодернистской парадигмы? // Клио. 2020. № 6. С. 128–134 (0, 4 п.л.).

15. Постникова А.А. Москва в 1812 г.: русская кампания в представлении солдат Великой армии Наполеона // Клио. 2020. № 9. С. 13–20 (0,6 п.л.).

16. Галкина Ю.М., Постникова А.А. Патриотизм «по-французски»: европейский проект или поиск национальной идентичности? // Вопросы истории. 2021. № 5. С. 33–48 (1,4 п.л./ 0,7 п.л.; Scopus).

17. Постникова А.А. Наполеоновская эпоха в восприятии современной Франции// Французский ежегодник. 2021. М., 2021. С. 266–278 (0, 8 п.л.; WOS).

Монографии

18. Постникова А.А. Великая армия Наполеона на Березине: событие-память. М.: Гуманитарная академия, 2014. 240 с. (12, 6 п.л.).

19. Постникова А.А. Наполеоновская эпоха в коммуникативной памяти России и Франции / Нахимова Е.А., Постникова А.А. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2015. С. 75–170. (16 п.л. / 8 п.л.).

20. Постникова А.А. Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев / коллектив авт.; под ред. О. С. Поршневой (отв. ред.), Н. Н. Баранова, В. Н. Земцова. М.: Политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2020. С. 20–37, С. 112–188. (34, 5 п.л./ 7 п.л.).

Другие публикации

21. Постникова А.А. Русская кампания 1812 г.: по следам Стендаля // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 3 (93). С. 96–103 (0,6 п.л.).

22. Постникова А.А. 1812 год: отступление из России глазами французского генерала Ж.Д. Компана // История как ценность и ценностное отношение к истории. XIV всероссийские историко-педагогические чтения. 2010. С. 175–180 (0,3 п.л.).

23. Постникова А.А. Швейцарцы в сражении на Березине // Колодеевские чтения: материалы II Международной научно-практической конференции / Борисовская центральная районная библиотека им. И. Х. Колодеева; сост.: И. А. Карпова, А. А. Балябин. Борисов, 2011. С. 57–68 (0,3 п.л.).

24. Постникова А.А. Великая армия Наполеона на Березине в изображении Стендаля, В. Скотта, Л.Н. Толстого, К. Блайбтроя // Шаг в историческую науку: материалы регион. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов. Екатеринбург, 2010. С. 34–42 (0,5 п.л.).

25. Постникова А.А. Великая армия Наполеона на Березине в исторической памяти Франции XIX в. // Материалы международной научной конференции «Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы». Москва, 2011. С. 63–72 (0,8 п.л.).

26. Постникова А.А. Сражение при Березине в исторической памяти Франции // Новая и новейшая история. 2012. № 2. С. 53–63 (0,8 п.л.).

27. Постникова А.А. «Французская» Березина: 200 лет памяти // Уральский исторический вестник. 2012. № 1 (34). С. 44–51 (0,7 п.л.).
28. Постникова А.А. Березина глазами швейцарцев // Родина. 2012. № 6. С. 67–70 (0,4 п.л.).
29. «Польская» Березина: «живая» память // История и историческая память. 2012. № 6. С. 77–87 (1,2 п.л.).
30. Постникова А.А. «Французская» Березина и Европа (последнее сражение 1812 года в памяти европейцев) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. № 4. С. 20–30 (0,8 п.л.).
31. Постникова А.А. Война 1812 г. в современном образовательном пространстве России и Франции // Историко-педагогические чтения. 2014. С. 203–207 (0,5 п.л.).
32. Постникова А.А. Историческая память: французская версия // Историко-педагогические чтения. 2015. С. 290–293 (0,3 п.л.).
33. Постникова А.А. Театр в исторической политике Первой империи во Франции // Диалог со временем. 2015. № 51. С. 321–333 (0,7 п.л.).
34. Постникова А.А. Образ Наполеона в «зеркале» политических проектов современной Франции // Вопросы всеобщей истории. 2018. № 20. С. 166–180 (0,7 п.л.).
35. Постникова А.А. Русская кампания 1812 г. и британское общество: «рождение» памяти о войне // Вопросы всеобщей истории. 2019. № 21. С. 49–62 (0,8 п.л.).
36. Постникова А.А. Французский «Аустерлиц»: забытая победа или смена «дискурсивной формации»? // Вопросы всеобщей истории. 2020. № 23. С. 254–275 (1,2 п.л.).
37. Постникова А.А. Наполеоновская эпоха в современной Франции: образовательное и мультимедийное пространство // Вопросы всеобщей истории. 2020. № 23. С. 363–370 (0,6 п.л.).
38. Постникова А.А. 1812 год: «войны памяти» в образовательном пространстве России и Франции // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2020. № 2. С. 87–91. (0,6 п.л.).